
Е. М. ИВАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ОНТОЛОГИИ СМЫСЛА

Онтология смысла – это дисциплина, являющаяся составной частью «онтологии субъективного» – философского учения о бытийном строении человеческого сознания¹. Эта дисциплина исследует смысл не с точки зрения его информационного, прагматического и прочего содержания, а исключительно с точки зрения формы его бытия, то есть формы представленности смысла как бытийного феномена в человеческом сознании. Основной вопрос онтологии смысла: что мы, собственно, переживаем, когда обнаруживаем в себе явление смысла, какими свойствами этот присутствующий в нас смысл обладает и как он функционирует?

Онтологический анализ феномена смысла следует начать с констатации его внечувственного характера. Смысл не есть что-то чувственно переживаемое, в частности смысл не тождественен какой-либо совокупности чувственных представлений. Это означает, что он лишен пространственных и временных свойств, а также лишен качественности. Тем не менее он явно присутствует в составе непосредственно переживаемого, хотя и в какой-то особой, «сверхчувственной» форме.

Чаще всего смысл связывают с речью, знаками, письмом и говорят о смысле слов, предложений, текстов. (Исходя из такого чисто лингвистического понимания смысла строится, в частности, известная «логическая теория смысла» Г. Фреге².) Однако ясно, что смысл присущ не только вербальным (или иным) знакам и их сочетаниям. Смысл имеет любая вещь – воспринимаемая или же воображаемая.

Наше чувственное восприятие непосредственно осмысленно. Я вижу не просто совокупность цветных пятен, но определенные,

¹ См.: Иванов, Е. М. Онтология субъективного. – Саратов, 2007.

² Фреге, Г. Смысл и денотат // Семантика и информатика. – Вып. 8. – М., 1977.

осмысленные предметы: стол я вижу как стол (он имеет для меня смысл стола), дерево – как дерево и т. д. В этом заключается свойство предметности нашего восприятия.

Вместе с тем воспринимая предметы как чувственные объекты, обладающие определенными чувственными качествами, а также пространственной и временной локализацией, я в то же время не воспринимаю смысл как нечто, обладающее каким-либо чувственным содержанием или чувственными свойствами. Он, как уже говорилось, не обладает чувственными качествами, пространственностью и даже временной локализацией. Смысл красного не красен, смысл холодного – не холоден и т. д. Смысл слова не находится слева или справа от меня. Не «локализован» он и в самом звучании слова. Смысл любого предмета, очевидно, не совпадает с самим этим предметом, но как бы «присоединяется» к нему извне.

Смысл, безусловно, возникает тогда, когда осмысляемый предмет соотносится с некоторым знанием об этом предмете. Чем больше я знаю о предмете, тем более богатым и определенным смыслом он обладает. Сложность, однако, в том, чтобы понять, как то или иное конкретное знание соотносится с предметом осмысления. Здесь мы обнаруживаем парадокс. С одной стороны, осмысление, несомненно, предполагает знание о предмете и соотнесение предмета с этим знанием. С другой стороны, самонаблюдение показывает нам, что никакого явного соотнесения знания и предмета в нашем сознании не осуществляется. Для того, чтобы понять, например, что передо мной находится собака, мне не нужно в явной форме «просматривать» в своем сознании все то, что я знаю о собаках (или хотя бы «просматривать» некоторую часть этих знаний). Я схватываю смысл слова или предмета прямо и непосредственно, не прибегая к каким-либо образам, представлениям, словам и т. п. (на это обстоятельство обращал внимание еще А. Шопенгауэр).

Другой парадокс заключается в том, что привлечение любой конкретной единицы знания и соотнесение ее с осмысляемым предметом само по себе не способно породить смысл – даже если бы это соотнесение осуществлялось явным образом. Ведь эти единицы знания (в какой бы форме они ни присутствовали в сознании) также должны обладать смыслом и, следовательно, также требуют соотнесения с другими единицами знания. Если, к примеру, я рас-

крываю понятие «собака» с помощью понятия «млекопитающее», то я должен пояснить также, что такое млекопитающее, что в свою очередь влечет необходимость разъяснить термины «молоко», «животное», «детеныш» и т. д. Таким образом, мы получаем регрессию в бесконечность: осмысляемый предмет необходимо соотнести с контекстом, который также требует соотнесения с контекстом, и т. д. до бесконечности. Мы получаем бесконечный ряд встроженных друг в друга контекстов, и оборвать этот ряд, не уничтожая смысла, не представляется возможным.

Все это означает, что осмысление может осуществляться лишь через посредство соотнесения предмета с некой целостной системой знаний о мире (то, что можно назвать «интегральной картиной мира»), в которой каждый элемент находится в живой, активной связи со всеми другими элементами знания. То есть смысл не делится ни на какие «куски» или «фрагменты». Он может существовать лишь как целостное «смысловое поле», в котором каждый элемент определяется через соотнесение его со всеми другими элементами. (Отсюда становится понятен загадочный афоризм Прокла: «Каждый ум мыслит все сразу». Чтобы явно помыслить что-то одно, нужно неявно помыслить и все остальное – тот контекст, вне которого мыслимый предмет утрачивает всякую смысловую определенность.)

Схватывая смысл предмета, я, следовательно, соотношу этот предмет с некой целостной системой знаний, с интегральной картиной мира, которая существует в виде единого «смыслового поля». Как же я это делаю, если самонаблюдение не фиксирует в акте осмысления даже соотнесения предмета с отдельными фрагментами этой «картины мира»?

Такое соотнесение должно быть, но оно в явной форме не имеет места. Единственное, что нам остается, – это признать, что такое соотнесение осуществляется «неявно», в какой-то «скрытой» форме. Не следует думать, что «скрытый» здесь означает «находящийся за пределами моего Я», например где-то «в подсознании», то есть что «скрытость» означает «непереживаемость». Если бы соотнесение предмета с имеющимся у меня опытом происходило «вне Я», то это означало бы, что смысл феноменально мне не дан, не переживается мною. Мне, в таком случае, лишь кажется, что я что-то понимаю. На самом же деле понимание осуществляет некий

«механизм», находящийся целиком за пределами «Я». Мое сознание в таком случае мыслится как поток чувственных переживаний, а смысл этих переживаний находится целиком за пределами этого потока.

Это явно противоречит данным самонаблюдения. Оно ясно показывает, что именно я (а не какой-то «механизм в моем мозге») понимаю, что смысл каким-то особым «сверхчувственным» образом «живет» в моем сознании.

Если «скрытость» не означает некой «запредельности Я», то это может означать лишь особую форму представленности смысла в сознании, которую можно обозначить термином «потенциальность». Действительно, «потенциальное», как его понимал Аристотель, – это нечто как бы промежуточное между бытием и небытием (присутствием и отсутствием). Это и не полное небытие, но и не есть полноценное («действительное», актуальное) бытие. Такое же «неполноценное», «недействительное» бытие мы вынуждены приписать и смыслу.

Если определить чувственное бытие как бытие «актуальное», то та интегральная картина мира, которая присоединяется к чувственным данным и делает их осмысленными, есть нечто «потенциальное» (поскольку в данный момент составляющие этой «картины» чувственно не переживаются). Однако любые ее элементы могут быть пережиты – как чувственные представления или перцептивные образы, то есть они могут быть «актуализированы» и с этой точки зрения есть не что иное, как «потенциальные» представления и образы.

Итак, смысл есть потенциальное содержание моего сознания (сравните у С. Франка: «Царство идей... есть царство возможностей»³). Этим объясняется его бескачественность, внепространственность и вневременность. Смысл есть нечто еще не определившееся, он еще не обрел качественность, временность и пространственность. Переживание смысла есть в таком случае переживание («предчувствование») самой возможности соотношения осмысляемого предмета с интегральной картиной мира. Эта «картина» отнюдь не «хранится» где-то «в тайниках памяти». Она всегда в наличности, всегда присутствует в сознании в полном объеме, но

³ Франк, С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк // Соч. – М., 1990. – С. 272.

присутствует «в потенциальной форме». Это как бы некий «потенциальный фон» любых наших актуальных переживаний.

Ясно, что «в потенциальном плане» я могу осуществлять соотнесение объекта сразу с неограниченным множеством «информационных единиц», могу проследивать на неограниченную длину любые семантические связи (таким образом, находит свое решение проблема «регрессии в бесконечность» в процессе осмысления). Ведь это соотнесение осуществляется не в пространстве и не во времени. Процесс осмысления не распадается на отдельные «акты» или отдельные операции. Есть единый и целостный процесс схватывания смысла, который хотя и занимает определенное время, но тем не менее не имеет никакой явной поэтапной временной динамики, никакого явного становления.

Потенциальный характер соотнесения осмысляемого предмета с «картиной мира» создает эффект «объемности» нашего сознания, позволяет знанию существовать в виде целостной системы отношений, а не в виде отдельных дискретно сменяющих друг друга единиц (как это происходит в компьютере). Но только в такой целостной системе отношений знание и может реально существовать как нечто «живое» и осмысленное.

Итак, мы приходим к выводу, что сознание обладает особой «потенциальной» составляющей, которую можно определить как «смысловое поле». Это базовый слой нашего сознания – в том смысле, что всякое иное (чувственное) содержание есть результат актуализации потенциалов, изначально присутствующих в составе смыслового поля. Актуализация есть обретение «чувственной формы» (пространственности, временности, качественности). Такой статус чувственности вполне очевиден в отношении представлений памяти и воображения – здесь образ рождается непосредственно «изнутри», из моего «Я», как продукт актуализации смыслового поля. Смысл – это и есть «внутреннее» моего «Я». Но и сенсорные образы, хотя и рождаются в результате воздействия «извне», также в конечном итоге строятся «из ткани сознания» и также могут рассматриваться в качестве «актуализированных смыслов».

Смыслы, поскольку они лишены пространственности, временности и качественности, принципиально не событийны. Смысл не

есть что-то такое, что отвечает на вопросы: что? где? когда? Если чувственные впечатления и представления образуют «поток сознания», в котором одни чувственные переживания сменяют другие, то никакого «потока смыслов» не существует. Смысл, как уже отмечалось, может существовать лишь как единое «смысловое поле», в котором каждая информационная единица существует лишь благодаря ее имманентной соотнесенности со всеми другими информационными единицами. В сфере смысла выполняется принцип «все во всем» (каждое в каждом): в каждой единице знания (поскольку она осмысленна) содержится вся система взаимосвязанных смыслов как целое. Это возможно отчасти потому, что сфера смысла как потенциальное бытие лишена пространственности и временности, которые дробят бытие на части (именно пространство и время позволяют нам воспринимать ощущения и образы отдельно друг от друга).

В сфере смысла время присутствует лишь как потенция – как возможность временной последовательности, временной упорядоченности. Поэтому правильнее говорить не о вневременности, а о сверхвременности (или «всевременности» – термин Л. Карсавина) смысла. В сфере смысла в виде потенции («вневременным образом») содержатся любые возможные мои прошлые и будущие переживания. Таким образом, модусы прошлого и будущего сущностно даны мне именно как «идеи» прошлого и будущего. Именно сверхвременность смысла объединяет мое сознание в единое надвременное целое. Благодаря сверхвременности смысла я могу достоверно судить о тождестве собственного «Я» во времени. Ведь для констатации этого тождества необходимо как-то реально соотносить разновременные фрагменты моей жизни, что возможно лишь в том случае, если существует действительная связь «сквозь время» между этими фрагментами. Это соотнесение и осуществляется благодаря сверхвременности смысла. Наличие сверхвременного содержания «Я» есть необходимое условие восприятия нашего собственного «движения во времени» (на это обстоятельство обращал внимание еще Кант). Это движение имеет место в сфере чувственности, и лишь сверхвременность смысловой составляющей нашего сознания позволяет нам заметить это движение.

Смысл есть некое сверхвременное единство, которое в конечном итоге создает единство нашего «Я» в целом. Пространственность и временность чувственной составляющей сознания, конечно, нарушают монолитное единство сознания. Однако и в чувственной сфере сохраняется определенная форма целостности: разделенные в пространстве и во времени ощущения и образы тем не менее как-то соотносятся друг с другом, «сопереживают», то есть переживаются не только отдельные «чувственные единицы», но и их отношения друг к другу. Здесь имеется в виду то, что психологи называют «гештальтными свойствами» образов.

Целостность существует не только внутри чувственной сферы и сферы смыслов по отдельности, но и эти две сферы находятся в тесной взаимосвязи. Как уже отмечалось, чувственность можно рассматривать как актуализированную часть смыслового поля. Актуализация вместе с тем не выводит переживаемое чувственное содержание за пределы смыслового поля. Чувственные переживания, таким образом, уже изначально оказываются интегрированными в смысловую «картину мира» – уже изначально обладают некоторым вполне определенным смыслом. Именно поэтому всякое переживание уже изначально воспринимается как включенное в определенный смысловой контекст. Этот контекст определяет не только «смысл образа» (или воспринимаемой ситуации), но и в значительной мере определяет само содержание воспринимаемого, достраивая, в частности, с помощью представлений отдельные видимые фрагменты до целого предмета.

Наличие непосредственной связи чувственности и смысла позволяет понять то, что можно назвать «динамикой смысла». Мы подчеркивали «сверхвременный» характер смысла. Этому, однако, по-видимому, противоречит тот факт, что смысл может «отсутствовать», а затем «появляться», что смысл может изменяться, обогащаться, обрывать новыми оттенками и т. д. Если смысловое поле вне течения времени, вне становления, то оно не должно меняться. Меняется в таком случае лишь отношение между целостным смысловым полем и актуально переживаемыми чувственными феноменами. Переживание смысла есть переживание возможностей, заложенных в актуальных чувственных образах и представлениях. Эти возможности могут отличаться степенью их готовности к актуали-

зации: если я сейчас вижу стол, то большей готовностью обладают такие смысловые концепты, как «мебель», «дерево», «коричневый цвет» и т. д., а не, скажем, «животное» или «авиастроение». Изменение содержания перцептивного поля ведет к перераспределению готовностей различных смысловых единиц к актуализации, и это перераспределение создает то, что мы воспринимаем как «динамику смысла» или как «смену различных смысловых состояний».

Следует помнить, что в каждый момент времени смысловое поле присутствует в сознании во всем своем объеме (а не отдельными фрагментами). Но в каждый момент времени оно как целое находится в специфическом отношении со сферой чувственных переживаний. Причем это отношение зависит не только от текущего состояния восприятия, но также и от каких-то других, внечувственных «внутренних» факторов, что избавляет наше мышление (которое, по существу, и есть динамика смысла) от рабской зависимости от чувственности.

До сих пор мы рассматривали смысловое поле как некую онтологическую форму, в которой существует наше совокупное знание об окружающем нас мире и о самом себе, то есть это то, что мы называем «картиной мира». Эта «картина мира» есть, однако, лишь малая часть того, что я реально способен помыслить или вообразить. Следует признать, что смысловое поле содержит в себе не только «картину мира», но гораздо большее – абсолютно все возможные переживания и, следовательно, помимо картины «реального мира» содержит в себе также и множество всех возможных (мыслимых) «картин мира» (это множество обозначим термином «Смысловой Универсум»). Все эти «возможные миры» следует рассматривать как особые «виртуальные» компоненты единого «смыслового поля». Действительно, именно через отношение к Смысловому Универсуму определяется полный смысл любого предмета. Ведь смысл предмета – это его «место» в системе мироздания, то есть его интегральное отношение ко всем возможным и действительным предметам, в пределе – ко всему, что вообще можно помыслить. Такой «предельный» смысл уже не зависит от конкретного личностного опыта и, следовательно, является «объективным» смыслом. То есть это смысл, присущий самой вещи. Субъективный же смысл не может быть ничем иным, как некой

«выборкой» из этого «объективного» смысла, то есть является более или менее полным отображением «объективного» смысла в сознании эмпирического субъекта.

Смысловое поле как «совокупность всех возможных миров», как Смысловой Универсум, есть базовая структура, на основе которой формируется эмпирическая личность. Однако поскольку Смысловой Универсум как фундаментальная составляющая «Я» никуда не может «спрятаться» от себя, он должен в полном объеме присутствовать как некий постоянный «фон» в каждом текущем состоянии сознания. Иными словами, сквозь эмпирическое «Я» должно «просвечивать» «Я» Абсолютное, через конкретную, интегральную «картину мира» должна просматриваться полная совокупность «возможных миров» (континуум возможных переживаний).

Эмпирически это проявляется в том, что наше понимание окружающего нас мира никогда не детерминируется целиком и полностью нашим прошлым опытом, совокупностью конкретных знаний о мире. В любом акте осмысления имманентно присутствует элемент воображения, какой-то, хотя бы минимальный, «отход от реальности». Я осмысляю предмет не только в модусе того, «что он конкретно из себя представляет», но и в модусе «чем бы он мог являться», в каких отношениях он мог бы находиться помимо тех отношений, которые нам известны из опыта. Именно этот элемент «гипотетичности» и позволяет нам воспринимать осмысленно даже те объекты, о которых мы ничего не знаем из опыта. Эти объекты все равно имеют для нас какой-то смысл, который возникает здесь за счет соотнесения их с различными «возможностными» (гипотетическими) контекстами. Мы можем всегда предположить, чем является данная вещь, в каких возможных отношениях с другими вещами она может находиться, как ее можно использовать и т. д.

Если во мне изначально содержится Смысловой Универсум («совокупность всех возможных миров»), то это означает, что формирование моей эмпирической личности осуществляется не только путем постепенного расширения и обогащения ее содержания, а, напротив, осуществляется по большей части путем последовательного наложения ограничений на исходное «смысловое поле», совпадающее содержательно со Смысловым Универсумом. Непосредственно этот Универсум проявляет себя в воображении, фантазии,

самосознании, способности видеть мир в системе альтернатив. Развитие личности идет по пути ограничения фантазии, через четкое разграничение «реального» и «возможного», «действительного» и «воображаемого». Так фактически и происходит: мы знаем, что фантазия особенно развита у детей, а с возрастом способность к воображению, как правило, уменьшается. «Реализм» все более подчиняет себе фантазию, подавляет ее.

Напротив, деградация эмпирической личности (как следствие психической болезни, травмы), как правило, ведет к потере селективности психики, потере чувства реальности, неспособности отличить реальное положение вещей от собственных фантазий. Так, шизофреническая деградация личности связана с нарушением иерархических отношений между элементами, составляющими эмпирическую личность. В результате больной перестает отличать реальность от собственных фантазий. Все это говорит о том, что развитие личности и нормальное ее функционирование связано с определенными ограничениями ее степеней свободы, установлением иерархических отношений между элементами знания (различение реального и воображаемого, желаемого и отвергаемого и т. д.).

Вместе с тем наличие в нас Смыслового Универсума (Универсума возможных переживаний) не дает автоматически гарантии рефлексивного доступа к этим «возможным» слоям нашей психики. Поэтому наряду с процессами «наложения ограничений» на «мир возможного», которые протекают преимущественно на до-рефлексивном уровне, существует и обратный процесс постепенного перевода «потенциального» содержания нашей личности в «явный», рефлексивный (точнее, доступный рефлексии) план. Это и есть процесс постепенного расширения и обогащения наших осознанных представлений о мире и о самом себе. Это расширение личности осуществляется по мере развития средств рефлексии (прежде всего – понятийного аппарата) и стимулируется чувственным опытом, социальным взаимодействием и т. д. Именно этот последовательный процесс самораскрытия нашего «Я» порождает видимость непрерывного «расширения» нашей личности, обогащения ее новыми содержаниями в процессе индивидуального развития.